

— • — ПРИХОД — • —

Коллектив авторов
Приход № 7 (июнь 2014). Троица
Серия «Приход. Православная газета», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981751
Приход №7 (июнь 2014) Троица:

Аннотация

Православная газета «Приход» не похожа на все, что вы читали раньше, ее задача удивлять и будоражить дух. Поднимаемые в ней вопросы призваны поддержать здоровую дискуссию вокруг важнейших вопросов жизни Церкви, а не заклеить и растоптать. Газета будет интересна как делающим первые шаги в Церкви или уже крепким прихожанам, так и людям, у которых Бог в душе. Среди постоянных рубрик «Прихода» – «Мнения», «Новый Завет», «Миссионерская школа» и «Культура».

Номер на Троицу открываем статьей молодого канадского священника про свежие археологические находки, снова утверждающие, что у Иисуса была жена. В «Полемике» живой интересный разговор о пятидесятничестве. В «Новом Завете» изучаем сложные места из Евангелия на примере истории с бесплодной смоковницей и апостольское чтение на Пятидесятницу. Публикуем лекцию американского греческого священника и богослова о христианской морали. Рубрику «Культура» открывает фрагмент из важнейшей театральной пьесы наших дней. Также беседа с Александром Корноуховым о мозаике, иконах и храмовой архитектуре в целом.

Содержание

Навигатор	4
Мнения	5
Жена Иисуса	5
История	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Приход № 7 (июнь 2014) Троица

Навигатор

Номер на Троицу открываем статьей молодого канадского священника про свежие археологические находки, снова утверждающие, что у Иисуса была жена. В рубрике «Полемика» живой интересный разговор о пятидесятничестве, который был записан на православном радио Америки.

В «Новом Завете», который в этот раз полностью отдан на откуп петербургскому архимандриту Ианнуарию Ивлиеву, изучаем сложные места из Евангелия на примере истории с бесплодной смоковницей. Что же она символизирует, в конце концов? Также изучаем апостольское чтение на Пятидесятницу.

Наша лекция на этот раз от американского греческого священника и богослова, а посвящена она исследованию вопроса христианской морали. В календаре изучаем события и предысторию праздника рождения Церкви.

Рубрика «Культура» невероятно эмоциональная. Ее открывает фрагмент из важнейшей театральной пьесы наших дней. Драматург Анна Яблонская со сцены и со страниц смотрит на нас, христиан, как на язычников. В «Электроуглях» сложная судьба и личная история жительницы дорогого и близкого нашему сердцу города.

Мнения

Жена Иисуса *Теодор Параскевопулос*

Год из года примерно на Пасху какое-нибудь издание начинает распространять новости про как будто очередную археологическую находку, которая якобы подвергает сомнению Божественность Христа или историческую реальность Его существования вообще, или другие «находки», которые подвергают сомнению то, Кем Себя считал Христос в соответствии с учением православной Церкви. Каждый год мы видим нападки на христианство и что интересно – на Пасху. Не думаю, что каждый раз это совпадение.

Вот и в апреле богословскому сообществу сообщили о найденном фрагменте пергамента, который методом анализа отнесли к I веку, естественно, к тем временам, когда жил Христос. В этом фрагменте Христос как будто обращается к жене, то есть называет кого-то «моя жена». Все, конечно, выдернуто из контекста: мы не знаем, из какой книги этот фрагмент, кто его написал, говорит ли это Сам Иисус, или кто-то еще говорит за Него. Было множество Иисусов в то время, это было очень популярное имя на Среднем Востоке в это время среди иудеев.

Фрагмент вырван из контекста и ничего не доказывает. Но журналисты уже растиражировали это сообщение, снова пошли разговоры: была ли у Иисуса жена, был ли Он женат, были ли у Него дети и тому подобное. За этим стоит большое желание демифологизировать христианство и распространить мысль о том, что Иисус не был на самом деле Сыном Божиим, а просто хорошим паренем, возможно, зилотом или пророком, учителем, но не более. Что конечно не соответствует сути того, во что мы верим как православные.

И в Евангелии в пасхальные дни мы читаем отрывок, в котором саддукеи, то есть группа иудеев, которые не верили в воскресение (другие и фарисеи верили), захотели проверить Христа и стали Его расспрашивать о вдове, чей муж умер. По иудейскому закону, если муж умирал, и не было детей в браке, для продолжения семьи брат мужа должен взять ее как жену и воспитывать ее детей за брата. И вот муж этой вдовы умер, она вышла за брата, и он умер и так далее для семи братьев, а потом умерла и сама вдова. Саддукеи спрашивают Христа: в воскресении, если оно есть, чьей женой она будет?

Христос поворачивается к ним и говорит, что они дураки, которые не знают ни Писание, ни пророков, потому что в воскресении не женятся, а живут как ангелы на Небесах. Интересная цитата, ведь многие не знают, как это понимать, что это значит. Когда мы женимся или присутствуем на венчании, мы слышим о том, что брак вечен, и что в любви друг к другу брак станет плодотворным, и что он продолжается не только до смерти, но и победит ее, продолжится на Небесах. Мы слышим эти слова в Церкви постоянно. Брак вечен. В каком же это смысле? Почему Христос говорит, что в воскресении нет брака?

Ответ состоит в том, как православная Церковь и как христианство с самого начала рассматривало брак. В чем смысл брака? Смысл брака в этой жизни – стать подобным Христу. Да это и ко всему относится, что мы делаем в Церкви. Службы, таинства, пост, исповедь, брак, подавание – все это для того, чтобы быть, как Христос, учиться любви Христа, бескорыстной любви. Христос на кресте, это то, что мы празднуем на Пасху. Вот такая идея: любить других людей больше, чем себя и даже до смерти. Мы слышим этот мотив в обряде венчания, например, во время чтения Послания, что муж должен любить свою жену больше, чем себя, даже до смерти, оставить все ради нее.

Христос же оставляет все ради своей жены, Церкви. На службе в неделю перед пасхой слышна тема жениха. Почему? Кто этот жених? Христос, Который пришел навстречу со Своей невестой, Церковью. Вот почему Церковь в греческом – женского рода. Церковь, то есть мы, жена Христа, и Христос пришел, чтобы объединиться с нами в величайшем таинстве, величайшем испытании на кресте и в Воскресении. Он оставляет все ради нас, ради Своей жены.

Поэтому институт человеческого брака в нашей жизни служит как раз этой самой цели. Мы люди, мы слабы и у нас нет возможности – может у святых она и была, – но мы не можем любить всех в равной степени. Поэтому мы выбираем хотя бы одного человека, чтобы попробовать эту любовь, взрастить ее в себе. Муж и жена соединяются и пытаются реализовать брак на протяжении всей жизни, чтобы быть, как Христос. Чтобы пожертвовать и оставить все, иметь это совершенную любовь хотя бы между собой, чтобы когда окажемся в жизни вечной, мы могли испытывать это совершенное единение со всеми.

Разница между этой жизнью и вечной в том, что мы свою любовь реализуем только в одном человеке, а святые делали это во всех людях. Они любили всех в равной степени, они не разделяли жен, детей, мужей или родственников. В воскресении на Небесах, потому что там совершенное единение, уже нет нужды для разделения на мужей и жен. Все любят всех в равной степени, в совершенной степени. В этом смысле брака на Небесах нет.

Почему я все это говорю? Когда мы сталкиваемся с атаками на христианство в газетах, и все эти ученые или археологи говорят, что Христос, видимо, был женат, Он был простым человеком, Он был мужчиной, и была у Него жена, как и у всех прочих иудеев в Палестине. Православные в рамках двухтысячелетней традиции знают, что Христос не был женат, конечно, и по историческим, и по богословским причинам. Христу не нужно жениться, Ему не нужен брак. Зачем бы он Ему был необходим? Это нам нужен брак, чтобы научить себя любви. Христос уже Бог, Он уже из Царства Небесного, Он уже из совершенного состояния, совершенного единства. Христос здесь, чтобы научить нас тому, что такое брак. Ему не нужно брать Себе в жены кого-то, чтобы спастись. Он Сам – источник спасения.

Поэтому эти вопросы не должны нас совсем занимать. Люди очень часто обсуждают эту тему, как будто Христос – обычный человек. Но мы понимаем, что Иисус это и человек, и Бог одновременно. Мы понимаем, что Ему нет необходимости жениться, и это мы знаем из Предания тоже. В этом просто нет никакого смысла. Он совершенный жених и Он пришел к Своей совершенной невесте. А мы пытаемся быть достойными Его любви. Таким вот символизмом пропитана вся Библия. В Вехтом Завете, где Господь – верный муж, а Израиль неверная жена, Бог все время ждет, что она вернется. С символикой брака мы снова и снова сталкиваемся в Писании, особенно у пророка Осии. Вот почему символ брака так важен для Церкви. Это не просто история о Христе и Его Церкви. Это история о Церкви, о том, Кто такой Христос на самом деле.

История

Государственно-политическая ложь и церковно-историческая правда. Некоторые страницы эпистолярного наследия митрополитов Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского) периода Второй мировой войны

Фрагмент сборника статей священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

«Что же можем сделать мы при настоящих условиях? – писал священномученик епископ Дамаскин (Цедрик) 15 апреля 1934 г. священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу). – добиваться удаления митрополита Сергия? Поздно, да и бесполезно. Уйдет митрополит Сергий – остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Святой церкви ради сохранения внешнего декораума и личного благополучия, которое необходимо является в результате так называемой легализации». Такими словами еще за десять лет до смерти обоих митрополитов, Сергия (Страгородского) и Сергия (Воскресенского), священномученик епископ Дамаскин определил сущность того направления церковной жизни, которое получило название «сергианство» среди оппозиционных Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Сергию (Страгородскому) епископов и исторически было вызвано к жизни деятельностью именно этих двух одноименных митрополитов Русской Православной Церкви.

Почти пятнадцать лет митрополиты Сергий (Страгородский) и Сергий (Воскресенский), часто рискуя свободой и жизнью, как своей, так и своих собратьев по церковной иерархии, последовательно и непримиримо проводили казавшуюся им обоим единственно возможной политику. Эта политика, казалось, должна была привести к невиданному в христианской истории – столь же утопическому, сколь и искусительному, – союзу Православной Церкви и богоборческого государства. Высшим выражением этого союза должно было стать законодательное признание Православной Церкви попирающим даже собственные законы антихристианским тоталитарным государством.

Однако весной 1941 г. митрополитам Сергию (Страгородскому) и Сергию (Воскресенскому) суждено было не только навсегда расстаться, но и оказаться со временем в непримиримом политическом противостоянии друг с другом, ставшем неизбежным результатом той общей для них церковной политики, которую оба митрополита продолжали последовательно проводить и в годы Второй мировой войны. Показательно, что начало этому будущему противостоянию двух политических единомышленников и братьев по архиерейскому служению положил указ митрополита Сергия (Страгородского) от 24 февраля 1941 г. о назначении митрополита Сергия (Воскресенского) митрополитом Виленским и Литовским и Экзархом всей Прибалтики, который, следуя принятой митрополитом Сергием (Страгородским) еще в 1927 г. практике, был предварительно согласован со спецслужбами богоборческого государства. Нарком госбезопасности В. Меркулов так охарактеризовал вызвавшую этот указ митрополита Сергия (Страгородского) очередную церковно-политическую операцию своего ведомства в докладе Сталину в марте 1941 г.: «НКГБ подготовил проведение следующих мероприятий: 1) Через агентуру НКГБ СССР вынести решение Московской Патриархии о подчинении ей православных церквей Латвии, Эстонии, Литвы, для чего использовать заявления от местного рядового духовенства и верующих; 2) Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской Патриархии назначить в качестве экзарха (уполномоченного) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича (агент НКГБ СССР), воспользовавшись для этого имеющимися в Московской Патриархии соответствующими просьбами со стороны местного духовенства».

Нападение нацистской Германии на СССР в июне 1941 г., в результате которого митрополиты Сергей (Страгородский) и Сергей (Воскресенский) оказались отделенными друг от друга не только линией фронта, но и необходимостью проводить казавшуюся им единственно возможной политику сотрудничества со вступившими в смертельную схватку богоборческими тоталитарными режимами, окончательно противопоставило их друг другу в их земной жизни.

Уже 22 июня 1941 г. Сергей (Страгородский) составил послание пастырям и пасомым, в котором была сформулирована его позиция по отношению к почти полностью уничтожившему Русскую Православную Церковь коммунистическому государству в момент, когда самому этому государству стала угрожать опасность быть уничтоженным в войне с внешним врагом. Формулируя свою позицию от имени Русской Православной Церкви, испытывавшей в предшествующие двадцать лет невиданные в своей истории гонения от коммунистического государства, митрополит Сергей (Страгородский) ни разу не упомянул в своем послании ни об этих гонениях, ни о самом существовании в России богоборческого государства, но в то же время весьма двусмысленно отождествил это государство, уничтожавшее его отечество и его народ, с этим отечеством и этим народом. «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона, жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам... Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...» Отдавая себе отчет в том, что для оставшихся на свободе представителей духовенства, являвшихся свидетелями коммунистических гонений, крушение богоборческого государства даже в условиях войны с внешним врагом будет представляться весьма желанной перспективой, митрополит Сергей (Страгородский) постарался подчеркнуть нерасторжимость союза Русской Православной Церкви и коммунистического режима, вновь подменив понятие «государство» понятием «отечество» и поставив в один ряд понятие «измена родине» с изменой «пастырскому долгу». «Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объясняется еще лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу».

Не получавший в течение двух недель согласия властей на оглашение своего послания в храмах на территории СССР митрополит Сергей (Страгородский) решился 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе на не имевшее ранее прецедентов служение молебна о победе Красной армии. Во время молебна в проповеди он попытался придать войне СССР с нацистской Германией образ войны православного русского народа с язычниками-германцами. В вышедших в годы войны еще 26 посланиях тенденция придания войне между СССР и нацистской Германией образа священной войны между православной и богоборческой странами, участие в которой является исполнением религиозного долга для каждого право-

славного христианина, будет проводиться митрополитом Сергием (Страгородским) весьма последовательно и настойчиво.

Находясь с осени 1941 г. в эвакуации в Ульяновске, митрополит Сергей (Страгородский) в своем послании от 24 ноября 1941 г. писал: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личиной благочестия только прикрывает свои злодеяния. Во всех порабощенных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами». Даже большую часть своего Пасхального послания от 2 апреля 1942 г., также написанного в Ульяновске, митрополит Сергей (Страгородский) посвятил своему религиозно-политическому истолкованию советско-нацистской войны. «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаком языческую свастику. Не забудем слов: «Сим победиши». Не свастика, крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское «жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его... Что-нибудь одно – или свободное и мирное существование народов с их верой во Христа, с их стремлениями к истине, ко всему светлому, что есть в этом мире, или Гитлер с его фашизмом, мраком, насилием над всем лучшим, существующем в человечестве... Да довершит же Устроитель мира свое дело у нас и да сохранит нас от соблазна изменить Христу и оказаться вне его «светлого чертога». «Воскресе Христос – и падоша демони. Воскресе Христос – и радуются ангели». Да возрадуемся и мы с ними, празднуя победу Христову над адом и смертью во веки и во временной жизни здесь на земле – победу креста Христова над свастикой».

Поддержка митрополитом Сергием (Страгородским) коммунистического государства, сохранение и защиту которого он постоянно отождествлял в своих посланиях с сохранением и защитой православного отечества и православного русского народа, не ограничивалась пропагандистской риторикой его выступлений. В немногочисленных действующих храмах на территории СССР с первых месяцев войны начался сбор пожертвований для Красной армии, в том числе почти не имевший аналогов в русской церковной истории сбор денежных средств на приобретение вооружений. Однако в первые два года войны, как и в предшествующее десятилетие, политика безоговорочной лояльности митрополита Сергия (Страгородского) коммунистическому государству не принесла церкви существенных благоприятных перемен.

Для митрополита Сергия (Воскресенского) первые два года войны стали временем, когда последовательно, хотя и безуспешно, проводившаяся им вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) в СССР политика, основывавшаяся на идее возможности союза церковной иерархии с любым государством и на любых условиях, стала приносить громадные плоды на территории, оккупированной войсками нацистской Германии. Оставшись, вероятно, вопреки желанию советских военных властей и с согласия митрополита Сергия (Страгородского) в захваченной немецкими войсками Риге, митрополит Сергей (Воскресенский) после четырехдневного ареста не только вернулся к своей архипастырской деятельности, но и в ноябре 1941 г. был признан немецкими властями главой Русской Православной Церкви в Прибалтике и на Северо-Западе, сохранив при этом формальное каноническое подчинение митрополиту Сергию (Страгородскому). Причиной столь благожелательного отноше-

ния немецких военных властей к митрополиту Сергию (Воскресенскому), еще недавно воспринимавшемуся даже многими представителями прибалтийского духовенства в качестве агента НКВД, стали как его заявления о безоговорочной лояльности немецкому оккупационному режиму, так и составленная им записка «церковь В СССР перед войной». Эта записка, представившая исчерпывающую картину состояния церковной жизни в СССР к началу 1940-х гг., стала уникальным свидетельством о положении церкви в условиях коммунистических гонений, сравнимым по глубине анализа и обоснованности своих выводов лишь с «Посланием соловецких епископов» 1926 г. Однако, если «Послание соловецких епископов» предлагало программу развития церковной жизни в рамках тех экклезиологических и церковно-политических принципов, которых придерживались церковные иерархи и в дальнейшем находившиеся в оппозиции политике митрополита Сергия (Страгородского), то записка митрополита Сергия (Воскресенского) подводила объективные и далеко неутешительные итоги результатов именно той политики, которая проводилась обоими митрополитами Сергиями на протяжении предшествующих лет.

«Большевики поставили себе целью уничтожить христианство, – писал митрополит Сергей (Воскресенский). – ... Это ясно всякому, кто отдает себе отчет в сатанинской сущности большевизма... Свои удары большевизм направил на все стороны церковной жизни. Он разогнал, сослал, истребил почти все духовенство и выделявшихся своей церковной работой мирян; закрыл все монастыри и почти все храмы; ликвидировал все учебные и благотворительные учреждения Церкви; экспроприировал церковные имущества; запретил церковную печать; лишил верующих права вести религиозную пропаганду, т. е. права защищать и распространять свою веру; организовал и повел неистовую пропаганду безбожия... Посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви всегда было главной задачей Патриархии. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность Православия, одолеть схизмы, сохранить канонически законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей и довести, таким образом, Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы вновь воспрянуть. Чтобы работать над выполнением этой задачи, Патриархии, прежде всего, надлежало сохранить собственное существование, которому грозила большая опасность... Ценой политической декларации митрополита Сергия была куплена легализация Патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилия. По этому типу строились и в дальнейшем отношения между Патриархией и Советской властью. Когда большевики требовали от митрополита Сергия каких-либо политических шагов, то он принимал их требования лишь под условием тех или иных послаблений Церкви... Согласившись на компромисс, на какие-либо уступки Церкви, большевики затем обманывали Патриархию, делая эти уступки иллюзорными... Нужно сказать, что и самая легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была не Православная Церковь как целое, а именно лишь Патриархия... Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву – одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но, ради церкви, мы все же мирились со своим униженным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посильно сохранить ее до лучших времен, до крушения большевизма... Но все наши усилия, страдания и унижения окажутся, конечно, напрасными, если безбожный большевизм не падет. С его падением связаны все надежды православных русских людей. Верю, что Господь этих надежд наших не посрамит».

Митрополиту Сергию (Воскресенскому) уже в первые месяцы немецкой оккупации удалось добиться того, что военная администрация разрешила русскому православному духовенству не только беспрепятственное и повсеместное открытие храмов, но и такие формы просветительско-миссионерского и социального служения, какие не допускались коммунистическим режимом в СССР не только в довоенный, но и в течение всего послевоенного периода. Подведомственное митрополиту Сергию (Воскресенскому) духовенство, как показывает прежде всего пример Псковской духовной миссии, восстановившей за годы оккупации более 400 храмов, осуществляло преподавание Закона Божия в приходских и общеобразовательных школах, создавало детские сады и детские приюты, вело катехизацию взрослых и просветительскую работу с учителями, проводило свою миссионерскую деятельность на радио и в газетах. Предложение митрополита Сергия (Воскресенского) организовать силами духовенства пастырское окормление советских военнопленных в лагерях, находившихся как на территории Прибалтики и Северо-Запада, так и на других территориях, не получило поддержки военного командования, руководствовавшегося в течение всего периода войны оперативным приказом начальника имперской службы безопасности Р. Гейдриха от 16 августа 1941 г. Однако исполнение данного приказа представителями лагерной администрации далеко не всегда было безусловным, и уже с первых месяцев войны имели место неоднократные случаи разрешения комендантами отдельных лагерей пастырской деятельности русского православного духовенства среди военнопленных.

Привычно отдавая политическую дань теперь уже не коммунистическому, а значительно более благосклонно относившемуся к его церковной деятельности нацистскому режиму, митрополит Сергей (Воскресенский) 23 июля 1942 г. на архиерейском совещании в Риге не только благословил направление приветственной телеграммы Гитлеру, но и одобрил заявление совещания с критикой политической позиции Московской Патриархии, в юрисдикции которой продолжали находиться он и подведомственное ему духовенство. Не получив от коммунистического режима в течение пятнадцати лет своей безоговорочно лояльной политики даже малой толики тех возможностей развития церковной жизни, которые за несколько месяцев столь же лояльной политики добился от нацистского режима митрополит Сергей (Воскресенский), митрополит Сергей (Страгородский) выпустил 22 сентября 1942 г. унижительное для них обоих послание «Возлюбленным во Христе всем верным чадам нашей Святой Православной Русской Церкви, в особенности обитающим в Литве, Латвии и Эстонии». «... В Риге в начале августа объявились православные наши архиереи... – писал митрополит Сергей (Страгородский). – во главе с присланным из Москвы митрополитом Литовским Сергием Воскресенским, которые «не пожелали страдать с народом Божиим», а предпочли «имети временную греха сладость» (Евр. 11, 25), пожить благополучно, питаясь от крупниц фашистского стола (да и долго ли еще фашисты будут засиживать нашу землю?), пусть другие жертвуют собой за Отечество. Волосы встают дыбом при чтении об истязании фашистами женщин, детей и раненых. А митрополит Сергей Воскресенский со своими «сподвижниками» архиереями телеграфирует Гитлеру, что они «восхищаются ведущейся (Гитлером) героической борьбой» (с беззащитными?) и «молят Всевышнего, да благословит Он (фашистское) оружие скорой и полной победой»... Чем же объяснить, что православно-русские архиереи, не только не помышляющие об измене вере, но и подтверждающие свою верность канонам Церкви, вдруг торжественно объявляют себя за фашизм? У нас, у всех перед глазами происходящее в странах Европы, захваченных фашистами. Происходящее подсказывает один только ответ на наш вопрос прибалтийские наши архиереи подверглись воздействию по тем же методам, какие применяются фашистами всюду. Чтобы загордиться от такого вывода, прибалтийские архиереи (или те, кто водил их руками) пытаются набросить тень на меня: я де пишу свои послания против фашистов и призываю народ на борьбу против них, принуждаемый к тому Соввластью. Не буду напоминать, что наша Пат-

риаршая церковь, начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признает Соввласть Богоустановленной в СССР. Лично же для меня достаточно и одной любви к Родине и моему народу, чтобы без чьих-либо просьб и тем паче принуждений всячески противиться фашизму и порабощению им нашей страны. Да будет же стыдно пытающимся свое малодушие спрятать под клеветническими выпадами против Родной Церкви и меня – ее возглавителя». К этому посланию митрополит Сергей (Страгородский) присовокупил определение, требовавшее объяснений от митрополита Сергея (Воскресенского) по поводу Рижского совещания. «1) Теперь же потребовать от митр. Сергея (Воскресенского) и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге; 2) В случае, если сведения будут признаны соответствующими действительности, предложить правящим немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии».

Опубликованный в журнале «Православный христианин» «Ответ экзарха-митрополита Сергея на заявление Московского митрополита» прозвучал столь же политически ангажированно, но в гораздо большем соответствии с происходившими тогда событиями, чем многие послания митрополита Сергея (Страгородского). «Нам мало известно, что лондонский радиофон недавно сообщил о новом политическом заявлении митрополита Московского. В этом заявлении якобы говорится, что германцы на занятой ими территории разрушают Православную церковь, уничтожают православные святыни и преследуют православный народ. Отсюда митрополит Московский якобы делает вывод, что православие и вообще христианство могут быть спасены во всем мире только победой большевистского оружия. В ответ на это чудовищное послание мы считаем своим долгом сказать следующее: за время своего владычества большевики непрерывно подвергали Православную церковь и всякую вообще религию жесточайшему гонению. Об этом мы знаем по собственному опыту, ибо в течение многих лет несли мы в советской России бремя церковного служения, подвергаясь неоднократно, как и другие, тяжким унижениям, тюремным заключениям и всяческим насилиям, тайным и открытым. Об истребительности большевистского гонения на церковь неопровержимо свидетельствуют сотни тысяч казненных, умученных, заточенных и сосланных страдальцев за веру. Ничего подобного большевистскому надругательству над святынями еще не видел мир... Германские власти отнюдь не посягают на нарушение канонического порядка, обеспечивают полную возможность развития церкви и даже облегчают Ее служение... германские власти возвращают нам церкви, отобранные у нас большевиками... в этих церквях были склады, клубы, театры – теперь они вновь освящены и в них раздается слово Божие... а народ, религиозность которого никакой большевизм не был в силах истребить, валом валит в церкви, исповедуется и причащается, тысячами крестит детей... и вновь утешается возможностью свободно молиться в свободной церкви... нам не препятствуют ни в обучении школьников Закону Божию, ни в учреждении духовного училища, ни в издании церковной газеты и книг».

Возрождение церковной жизни на территории, оккупированной германскими войсками, не только свидетельствовало о сохранившейся у многих советских граждан потребности иметь религиозную жизнь, но и активно использовалось немецко-фашистской пропагандой. Подобная ситуация требовала от коммунистического режима ответных мер пропагандистского характера в религиозной сфере. В то же время последовательная политическая лояльность, проявленная руководством Московской Патриархии по отношению к коммунистическому режиму даже в период жесточайших гонений на церковь и в первые годы войны, убедила Сталина в готовности митрополита Сергея (Страгородского) осуществлять свою деятельность именно в тех рамках, которые определит для Русской

Православной Церкви возглавлявшийся им тоталитарный режим. Эти обстоятельства, как, впрочем, и необходимость иметь в войне с нацистской Германией союзников из числа западных демократий, общественное мнение в которых традиционно исходило из признания определяющего значения христианских ценностей, вынуждали Сталина очеловечивать политический облик СССР допущением в стране хотя бы в ограниченных рамках религиозной жизни ведущей христианской конфессии.

Результатом этих прагматичных тактических перемен в принципиально антихристианской политики коммунистического режима стала не только встреча Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским) 4 сентября 1943 г., но и собранный в «большевистских темпах» 8 сентября из 19 архиереев Собор, избравший без голосования митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси. Краткий доклад митрополита Сергия (Страгородского) на этом однодневном Соборе, собранном после четвертьвекового методично-кровавого разрушения Церкви в России, был посвящен не путям возрождения церковной жизни, но «деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, – сказал митрополит Сергей (Страгородский), – нам не приходилось задумываться, потому что, прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось – фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили и т. д. Так что уже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране. Архипастыри сочли своим долгом не только самим встать на эту позицию, но и свою паству призвать к этому... Наш народ охотно откликался на наш призыв. Призывали мы его к жертвам на нужды войны. Пожертвования шли непрерывным потоком и составили очень значительную сумму... Я, между прочим, в свое время обратился к нашему церковному обществу с предложением собрать средства на устройство танковой колонны имени Димитрия Донского. Мною руководило желание повторить пример Преподобного Сергия, который на поле брани выслал своих двух схимников. Конечно, это были слабые воины, если смотреть на них с физической стороны, но они несли на себе благословение Троицкой Лавры и Преподобного Сергия, и поэтому появление их в рядах русского воинства, несомненно, подняло дух последнего и способствовало поражению Мамай. Так и наши танки, думал я, не Бог знает, какая это могла быть помощь нашему русскому воину и воинству, но это было наше благословение, это был знак того, что Церковь не оставляет воинов и на поле брани, что она их благословляет и готова участвовать с ними в самих боях, чтобы добиться освобождения нашей Святой Руси от нашествия иноплемеников. Постоянная готовность народа, наших богомольцев, и постоянный призыв пастырей к этим жертвованиям обратили на себя внимание и правительства. И вы лично имели возможность убедиться, с каким сочувствием глава нашего правительства Иосиф Виссарионович Сталин отнесся к патриотической деятельности нашего духовенства и к нашим просьбам, касающимся дальнейшего устройства нашей Церкви. И, конечно, оказывая нам это внимание, он может быть уверен, что мы и впредь с еще большим усердием будем продолжать вместе со всем русским народом служить общему делу освобождения нашей родины от фашистского нашествия».

Важнейшим наряду с весьма своеобразным избранием Патриарха решением этого Собора стало постановление, которое на соборном уровне должно было закрепить проводившуюся в посланиях митрополита Сергия (Страгородского) мысль о том, что защита боготорческого коммунистического государства в условиях войны является религиозным долгом каждого русского православного священнослужителя и мирянина. «Среди духовенства и мирян, – подчеркивалось в постановлении, – находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие: встречают немцев, как желанных

гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства; выдавая врагу своих собратьев, например, партизан и других, жертвующих собою за родину... Фашисты понесут справедливую кару за свои грабежи, убийства и прочие злодеяния. Не могут ожидать себе пощады и эти приспешники фашистов, думавшие поживиться за их спиной на счет своих братьев. Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы, сегодня, собравшиеся во имя Отца, Сына и Святого Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – сана».

Этим постановлением отлучались от Церкви миллионы русских православных христиан, окормлявшихся в почти 12 тысячах храмах, которые действовали на оккупированной территории на основе официального разрешения немецко-фашистских властей. Этим постановлением извергались из сана тысячи клириков, которые самоотверженно возрождали разрушенную большевиками русскую церковную жизнь, искренне или вынужденно служа молебны о победе германской армии. Этим постановлением извергался из сана весь русский епископат, получивший от немецко-фашистских властей право на легализацию своей деятельности на условиях канонически более приемлемых, чем те условия, на которых получил свою легализацию от богоборческого коммунистического государства в 1927 г. сам митрополит Сергей (Страгородский). Наконец, этим постановлением извергался из сана ближайший сподвижник новопоставленного Патриарха Сергия митрополит Сергей (Воскресенский), который проводил точно такую же, как митрополит Сергей (Страгородский), хотя по своим церковным результатам более успешную, политику безусловного сотрудничества с тоталитарным богоборческим режимом.

Избрав для себя в 1927 г. в качестве единственно возможной политику нескончаемых компромиссов как с богоборческим большевистским режимом, так и с собственной совестью, митрополит Сергей (Страгородский) сопровождал свой выбор наложением канонически безосновательных прещений на отвергавших его политику церковных иерархов, среди которых были и два Патриарших Местоблюстителя – священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) и священноисповедник Агафангел (Преображенский). Пожиная главный плод этой политики в виде признанного Сталиным первого советского Патриаршества, митрополит Сергей (Страгородский) вынужден был обрушить столь же канонически безосновательные прещения на своего самого преданного ученика и сподвижника митрополита Сергия (Воскресенского) и все подведомственное ему духовенство, осуществлявших свою деятельность в рамках той политики, которую сам митрополит Сергей (Страгородский) все эти годы навязывал Русской Православной Церкви. Но мог ли этот новый компромисс с богоборческим коммунистическим режимом и собственной совестью даровать теперь уже Патриарху Сергию и поддерживавшей его тогда весьма немногочисленной церковной иерархии подлинную победу в условиях сохранения в России большевистского государства? Ответ на этот вопрос содержался в одной из последних статей митрополита Сергия (Воскресенского) «Большевизм надо сокрушить», ставшей своеобразным завещанием погибшего через год после ее написания митрополита, решившегося, наконец, свободно и честно высказать правду о тех, кто пытался превратить его из митрополита Сергия (Воскресенского) в агента НКГБ СССР Воскресенского Дмитрия Николаевича. «В мире много зла и горя, но нет ничего страшнее и губительнее большевизма, – писал митрополит Сергей (Воскресенский). – Большевизм восстал на Бога и поправил человека. Большевизм не только умерщвляет, он растлевает. Он разрушает святыни и ценности, которыми жива душа человека. Свободных людей он превращает в безличных рабов. Он отравляет их своею ложью и терзает их своим насилием. Страной большевизма правит страх, скрытый под маской предписанной преданности

и продиктованного восторга. Страх за себя и своих; страх перед арестом, ссылкой, пыткой, казнью; страх перед нищетой и голодом; страх перед доносом; страх перед ГПУ и друг перед другом. В стране большевизма все вынуждены притворяться и лгать, чтобы избежать немедленной расправы... Рабам приказано кричать о том, что свободнее их нет людей на свете, что нет ничего радостнее их страдальческой жизни, что они любят своих ненавистных вождей, что большевистское одичание есть наивысшая форма культуры, что большевистское издевательство над человеческой личностью поднимает достоинство ее на недостижимую высоту. И они кричат, бахвалятся, поют и пляшут, чтобы только сохранить свою жизнь, эту жалкую жизнь, опозоренную страхом и ложью, и получить свой кусок хлеба, этот отравленный муками жалкий кусок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.